Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 81'42+81'38+81'27+81'25
ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621+Ш118 *ГРНТИ 16.41.21; 16.31.41* *Код ВАК 5.9.8; 5.9.6*

Александра Игоревна Томилова[1]✉, Ксения Михайловна Табаринцева-Романова[2]✉, Наталья Владимировна Сандалова[3]✉

[1,2] Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
[1] alexara@list.ru✉, SPIN-код: 3975-8898, https://orcid.org/https://orcid.org/0000-0003-4233-8248
[2] kseniaromanova@urfu.ru✉, SPIN-код: 1827-3164, https://orcid.org/0000-0002-0158-8016
[3] Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, natalia-sandalova@uspu.ru✉, SPIN-код: 7149-6613, https://orcid.org/0000-0003-2053-589X

Межъязыковая псевдоэквивалентность в политическом медиатексте и его переводах как инструмент публичной дипломатии (на примере английского, испанского, французского и русского языков)

АННОТАЦИЯ. *Данная статья представляет собой изучение межъязыковой псевдоэквивалентности, возникающей на стыке медиатекста и переводного медиатекста под случайным влиянием слабой профессиональной подготовки переводчика или осознанного проявления его собственной идеологии. Авторы сводят воедино современные направления исследований политологии, медиалингвистики, переводоведения, приходя к выводам о растущей значимости манипулятивной составляющей в текстах СМИ, применяемых в качестве популярного инструмента публичной дипломатии для формирования политического имиджа целых стран, об особенностях переводного медиатекста, в котором вектор манипуляции может как сменить направление, так и сойти на нет в зависимости от выбранных переводческих решений, а также о важности национально-культурной специфики интернациональных слов, хранящейся в сознании носителей, которая может приводить к возникновению частичной и/или прагматической псевдоэквивалентности при неполной передаче при переводе. Авторами уточняется понятие межъязыковой псевдоэквивалентнтности; приводится краткая классификация псевдоэквивалентов по объему семантического значения в основе с примерами для следующих языковых пар: русский-английский, русский-французский, русский-испанский языки; анализируется функционирование данной категории слов в русском политическом медиатексте и его официальных переводах на английский, французский и испанский языки; доказывается вторичность французского и испанского переводных медиатекстов, искажающих впечатление франкоговорящих и испаноговорящих реципиентов о речи российского Президента (материалом исследования послужило интервью В. В. Путина и его переводы). Использование в речи интернациональной лексики, представляющей потенциальную опасность возникновения ложных аналогий, и впоследствии ее перевод, часто не приводит к образованию семантической псевдоэквивалентной пары, зато представляет в ряде случаев трудности при передаче коннотативных значений, что в условиях публичной дипломатии имеет особую важность. Вопрос о намеренности подобного рода искажений и смысловых потерь поднимается все чаще за последнее десятилетие в исследованиях зарубежных и отечественных лингвистов.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *дипломатический дискурс, политические тексты, журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, межъязыковая псевдоэквивалентность, публичная дипломатия, переводоведение, политический перевод, переводческая деятельность, английский язык, испанский язык, французский язык, русский язык, переводческое решение, лингвопрагматика*.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: *Томилова Александра Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, email: alexara@list.ru.*

Табаринцева-Романова Ксения Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры международного права, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, email: kseniaromanova@urfu.ru.

Сандалова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия, email: natalia-sandalova@uspu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Томилова, А. И.* Межъязыковая псевдоэквивалентность в политическом медиатексте и его переводах как инструмент публичной дипломатии (на примере английского, испанского, французского и русского языков) / А. И. Томилова, К. М. Табаринцева-Романова, Н. В. Сандалова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 147-158.

Aleksandra I. Tomilova[1]✉, Kseniya M. Tabarintseva-Romanova[2]✉, Natalya V. Sandalova[3]✉

[1,2] Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
[1] alexara@list.ru✉, SPIN code: 3975-8898, https://orcid.org/https://orcid.org/0000-0003-4233-8248
[2] kseniaromanova@urfu.ru✉, SPIN code: 1827-3164, https://orcid.org/0000-0002-0158-8016
[3] Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, natalia-sandalova@uspu.ru✉, SPIN code: 7149-6613, https://orcid.org/0000-0003-2053-589X

© Томилова А. И., Табаринцева-Романова К. М., Сандалова Н. В., 2026

Томилова А. И., Табаринцева-Романова К. М., Сандалова Н. В. Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119). С. 147–158

Interlanguage Pseudo-Equivalence in the Political Media Text and Its Translations as a Tool of Public Diplomacy (On the Material of English, Spanish, French and Russian)

ABSTRACT. *This article studies interlingual pseudo-equivalence which appears on the border between a media text and its translation under the occasional influence of translator's poor professional training or as a result of conscious manifestation of the translator's ideology. The authors bring together contemporary trends of research in political science, media linguistics, and translation studies and come to the conclusion about the growing significance of the manipulative constituent of media texts, used as a popular tool of public diplomacy to create a political image of whole countries; about the peculiarities of the translated media text, in which the manipulation vector can both change its course and disappear altogether depending on the chosen translation solution; as well as about the importance of the national and cultural specificity of international words which are kept in the native speakers' minds and which might lead to the emergence of partial and/or pragmatic pseudo-equivalence if not translated in the proper way. The authors specify the definition of interlingual pseudo-equivalence and suggest a brief classification of pseudo-equivalents according to the volume of semantic meaning in the stem with examples in the following linguistic pairs: Russian-English, Russian-French and Russian-Spanish. The study analyzes the functioning of pseudo-equivalents in the Russian political media text and its official translations into English, French and Spanish and proves the secondary nature of the French and Spanish translated media texts, which distort the perception of the speech of the Russian President by French- and Spanish-speaking recipients (Putin's interview and its translations were chosen as practical research material). The use of international vocabulary which represents some kind of potential danger of emergence of false analogies while translating, and the following translation of it does not lead to the formation of a semantic pseudo-equivalent pair but in some cases is the source of difficulties while translating connotative meanings which are considered to be essential in public diplomacy. The question of the intentional nature of such mispresentation and semantic loss remains open and is raised more and more frequently in the last decade by linguists all over the world.*

KEYWORDS: *journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, political discourse, political texts, politicians, lexical markers, English language, mnemonic narrative, political interview, speech genres, verbs of memory, mnemonic nouns, mnemonic adjectives*.

AUTHOR'S INFORMATION: *Tomilova Aleksandra Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

Tabarintseva-Romanova Kseniya Mikhaylovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of International Law, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Sandalova Natalya Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English Philology and Methods of Teaching English, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Tomilova A. I., Tabarintseva-Romanova K. M., Sandalova N. V*. (2026). Interlanguage Pseudo-Equivalence in the Political Media Text and Its Translations as a Tool of Public Diplomacy (On the Material of English, Spanish, French and Russian). In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 147-158. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Взаимодействие и выстраивание отношений при помощи СМИ и публичной дипломатии в XXI в. стало своего рода основой политического дискурса. В связи с тем, что новые технологии все больше переопределяют общественное мнение и оказывают влияние на правительства и их политику, государства уделяют особое внимание национальному брендингу и формированию благоприятного имиджа на международной арене. Переводные медиатексты приобретают особую значимость в продвижении среди иноязычной аудитории других стран новостных сообщений, политических и идеологических взглядов, культурных особенностей, национальных интерпретаций мировых событий и т. п. Все это определяет **актуальность** исследования.

Новизна исследования обусловлена тем, что в настоящее время достаточно мало работ, связанных с изучением взаимосвязи и взаимозависимости идеологии, пропаганды (как инструмента «мягкой» силы) и перевода (имеющиеся труды будут проанализированы в настоящей статье). К сожалению, практически не рассматривается фактор потенциального «политического влияния» переводчика на создаваемый текст, а также нет работ, исследовавших функционирование лексики, относящейся к псевдоэквивалентам, на примере медиатекстов. В условиях современных информационных и культурных конфликтов изучение такого опосредованного формирования образа или контекста является особо перспективным, так же как и национально-культурные интерпретации интернациональной лексики, служащей одним из главных источников возникновения межъязыковой псевдоэквивалентности.

Сама по себе информация и ее передача неразрывно связаны с понятием власти и силы. «Группы, организации, национальные государства и даже отдельные лица теперь могут влиять на политику на системном уровне, используя информацию» [Armistead 2004: 13].

Как справедливо подчеркивается авторами книги «Информационные операции: суровая реальность „мягкой» силы“»: «…нация, которая сможет контролировать поток информации, выиграет конфликт… независимо от того, представлена ли эта информация в форме военной разведки, пропаганды, электронных волн или потока компьютерных данных» [Armistead 2004: 9]. В мире дипломатии информация связана с публичной дипломатией или ее подвидом — медийной дипломатией.

Цель работы заключается в исследовании межъязыковой псевдоэквивалентности, в частности функционирования межъязыковых псевдоэквивалентов в политических медиатекстах и их переводах, в свете публичной дипломатии.

2. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Как отмечает Д. Мелиссен, «публичная дипломатия — это еще один такой сектор роста, который не является эфемерным явлением. Конечно, существуют обширные области дипломатической работы и множество двусторонних отношений, где контакты с общественностью за рубежом не имеют приоритета, но число стран, использующих потенциал публичной дипломатии, будет продолжать расти. Вероятно, не будет преувеличением предположить, что такое развитие событий свидетельствует о том, что эволюция дипломатии достигла нового этапа» [Melissen 2005]. Таким новым этапом в дипломатии становится активное использование IT-технологий. Согласно О. В. Лебедевой, публичная дипломатия может быть определена как взаимодействие с зарубежным экспертным сообществом и гражданским сообществом: общественно-политическими, деловыми, экспертными кругами, направленное на отстаивание внешнеполитических интересов своей страны [Лебедева, Панов 2018: 26]. Она нацелена на массовую аудиторию, так как такая аудитория может оказать влияние на свое правительство и на политическую систему. В этом обнаруживается сходство публичной дипломатии с медиатекстом, который, проявляясь, среди прочего, в массовых изданиях и телевизионных программах, собирающих многомиллионные аудитории, особенно на просторах сети Интернет, по мнению В. М. Фалина, может обгонять «во влиянии политические партии, общественные организации, правительства» [Фалин 2016: 283].

Стоит отметить, что прежде всего данное понятие связано со следующими направлениями: пропаганда и информационная защита; гуманитарные обмены; взаимодействие с обществом. Как показывает практика, в настоящее время послы принимают активное участие в общественных дискуссиях страны пребывания; читают лекции; проводят культурные мероприятия. Напомним, что цели и задачи публичной дипломатии связаны с такими аспектами, как строительство долгосрочных отношений; изучение настроений иностранного общественного мнения; формирование положительного внешнеполитического образа; защита целей национальной внешней политики; понимание ценностей своего государства за рубежом; обеспечение национальной безопасности. Данные аспекты находятся на стыке с вопросами лингвистической безопасности, которые поднимаются различными науками, в том числе эколингвистикой на материале политических медиатекстов. Каналами распространения публичной дипломатии являются: выступления официальных лиц в СМИ, с публичными лекциями, в социальных сетях; НПО, фонды, образовательные программы, женские и молодежные организации, университеты и т. д. В нашей работе мы сосредоточимся на выступлениях официальных лиц в СМИ, в частности, на интервью В. В. Путина иностранным каналам и их переводах на иностранные (английский, французский и испанский) языки.

На начало 2017 г. в научной литературе сформировались три основные модели публичной дипломатии: модель холодной войны — противодействие негативной пропаганде через информационное влияние на гражданское общество; основными каналами такой дипломатии были радио и телевидение; транснациональная модель — негосударственные участники используют глобальные телекоммуникационные сети, действуя поверх национальных границ; внутригосударственная PR-модель — государство нанимает PR-компании и лоббистов в иностранном государстве для проведения там кампаний публичной дипломатии [Gilboa 2008].

В дипломатической сфере СМИ являются важнейшей платформой для продвижения внешней политики стран. Государства все чаще используют собственную платформу для национального брендинга. Национальные вещательные компании стали платформой для формирования репутации государства, а также усиления «мягкой» силы.

Все это привело к формированию идеи о медиадипломатии как инструменте внешней политики, где журналисты все чаще и интенсивнее участвуют в дипломатических мероприятиях и процессах, иногда они даже инициируют дипломатические процессы. «СМИ функционируют как независимый субъект и

как инструмент в руках политиков и журналистов» [Poudel 2019: 44]. Ряд экспертов предположили, что глобальные телевизионные новости теперь определяют внешнюю политику и даже разработали гипотезу «эффекта CNN», чтобы описать и проанализировать это явление [Gilboa 2005]. По этой причине материалом исследования данной статьи выбрано интервью В. В. Путина американскому телеканалу, которое стало отличным примером, с одной стороны, медиадипломатии, и с другой — политического медиадекста.

Е. Гильбоа различал три вида использования СМИ в дипломатии: публичная дипломатия, когда государственные и негосударственные субъекты используют СМИ и другие каналы коммуникации для влияния на общественное мнение в зарубежных обществах; медиадипломатия, когда официальные лица используют СМИ для расследования и продвижения взаимных интересов, включая разрешение конфликтов; и дипломатия медиапосредников, когда журналисты временно берут на себя роль дипломатов и служат посредниками в международных переговорах. В этой концептуальной схеме медиадипломатия относится к использованию СМИ лидерами для выражения заинтересованности в переговорах и укрепления доверия [Gilboa 2000]. В переводных медиа СМИ как средстве публичной дипломатии, направленной на донесение и продвижение своих политических позиций до представителей других стран, на наш взгляд, немаловажную роль играет переводчик, поскольку от правильности передачи семантического и прагматического значения, профессиональной подготовки, фоновых знаний и соблюдения этических норм зависит производимый на реципиента эффект, в том числе манипулятивный.

Публичная дипломатия обычно рассматривается как инструмент стратегической коммуникации, включающий различные методы коммуникации для информирования и взаимодействия с зарубежной общественностью в целях продвижения интересов национальных государств. Она включает коммуникацию в контексте принятия политических решений, стратегическую коммуникацию, такую как общение через правительственные официальные веб-сайты, и международные мероприятия — все они направлены на информирование, пропаганду и вовлечение общества.

Как коммуникативный инструмент, перевод может «навести мост или разделить пропасть между двумя разными мирами» на идеологическом уровне, что означает, что перевод, включающий реконструкцию дискурса, может указывать на идеологию переводчика. Как пишет К. Цзюдин**, «**можно утверждать, что неправильный перевод был сделан намеренно, чтобы служить идеологии целевой культуры или политической позиции» [Jiuding, Leilei 2023]. Как в случае с большинством публичных дискурсов, новостной дискурс, пропитанный идеологиями, заслуживает большего внимания в исследованиях перевода. В рамках новостного дискурса знания, отношения и идеологии представляют собой все формы социального познания и ментальных представлений, разделяемые представителями средств массовой информации, которые являются популярными объектами исследования в последние годы. «В цифровую эпоху интерпретация новостного дискурса играет все более важную роль в построении идеологии для мировой аудитории» [Jiuding 2024: 2]. Поэтому в нем также рассматриваются соответствующие статьи о переводе дискурса публичной дипломатии, который играет очень важную роль в реконструкции идеологии для читателей со всего мира [Jiuding, Leilei 2023].

Продолжая развивать данную мысль, стоит отметить важность изучения медиатекста, в частности политического медиатекста, на стыке медиалингвистики и политологии, что мы и попытались сделать в данной работе, поскольку политика «оказывает огромное и многообразное воздействие на язык СМИ, составляя основу его содержания и определяя его особенности» [Солганик 2012: 856], а медиатекст, в свою очередь, формирует образ политики страны, отдельных политиков и работает как дипломатический инструмент, как «инструмент социального взаимодействия в интерактивной стилистике, как возможность двунаправленной коммуникации и совместность в создании значений» [Десюкевич 2017]. При этом ни контент-анализ, ни перевод политического медиатекста не изучаются в публичной дипломатии.

Современный медиатекст во многом отличается от существовавшего еще десять лет назад по ряду причин: стремительный переход СМИ в онлайн-формат с мгновенным широким распространением, обратной и взаимообусловленной стороной чего является увеличение медиапотребления людей; изменение стиля изложения материала и языка (в том числе увеличение доли англицизмов, неологизмов, окказионализмов, снижение языковой нормы и др.); разрастание соцсетей с их влиянием на язык путем как увеличения числа пользователей, так и расширения своих функций (появились

научные работы, называющие соцсети «пятой властью» (U.C. Mandal, 2007; А. А. Ковалев, 2022; В. А. Маковский, 2019 и др); увеличение числа непрофессиональных журналистов и доли манипулятивной составляющей в содержании медиатекстов, особенно рекламных и политических.

Многие ученые рассматривают подобные изменения как «негативные тенденции во всех традиционных представлениях о медиа» [Лебедева, Назметдинова 2018: 78]. На наш взгляд, сложно давать негативную или положительную оценку такому развитию медиатекста, поскольку все изменяется, в том числе сам язык не стоит на месте, зачастую с вектором на упрощение, и со временем появляется новая норма. Однозначно можно отметить пропорциональное увеличение количества научных работ, изучающих медиатекст или иные явления на его материале, что свидетельствует об интересе ученых к данному источнику, в том числе в свете вопросов лингвистической безопасности.

Медиатекст в целом — сложная и подвижная единица речевого общения массовых коммуникаций, обладающая открытостью, что может приводить к полиинтерпритируемости. Именно по этой причине актуальным представляется изучить явление межъязыковой псевдоэквивалентности на примере медиатекста, в частности политического медиатекста, ввиду важнейшей роли последнего в информационной революции. По мнению И. А. Василенко, СМИ под силу уничтожить в виртуальном пространстве символический капитал культуры, на котором, согласно данным современных социологов, политологов и культурологов [Василенко 2008; Бурдье 2001; Бзежинский 2009; Назаренко 2021; Старикова 2019 и др.], держатся многие державы, поскольку человеку, как существу, ищущему смысл, важно опереться на определенную систему нравственных координат, разделить добро и зло, чтобы противостоять внешним обстоятельствам. Когда человек четко идентифицирует себя с определенным обществом с четкими ценностями, то это помогает коллективно выжить в самых сложных ситуациях [Василенко 2008: 16], именно поэтому люди без четкой позиции и социокультурной идентичности легче всего поддаются политическому манипулированию.

Как отмечают многие авторы, «в условиях глобального политического кризиса, проблемы анализа политического текста привлекают внимание не только потому, что в нем аккумулируются и проявляются лингвистические характеристики речи и многие психологические особенности говорящего, но и элементы воздействия текста на (массового) реципиента» [Репина 2012: 18; Плотникова, Томилова 2022: 4037]. Переводной политический медиатекст представляет собой, на наш взгляд, еще более сложный феномен, поскольку его создание происходит сначала через определенную призму сознания журналиста со всем заложенным в него информационным и манипулятивным потенциалом, а затем через переводчика с его пониманием и выбранными им переводческими решениями, и в конце концов — реципиента. В последние годы увеличилось число работ, исследующих переводческую деятельность в условиях различного рода кризисов и конфликтов [Valedón 2023; Rossi 2021 и др.], так как межъязыковое посредничество в подобных условиях рассматривается ключевым средством помощи и донесения информации людям, оказавшимся в сложных ситуациях антропогенного воздействия, в том числе вооруженных конфликтов, вынужденного переселения, терроризма и экологических катастроф [Declercq, Federici 2019], что подчеркивает важность и необходимость в профессиональных переводчиках (Filmer, 2020) и особенно в их нейтральной позиции [Valedón 2023: 387].

Все эти причины повлияли на выбор политического медиатекста в качестве материала изучения особенностей функционирования различных видов псевдоэквивалентов и их роли в публичной дипломатии и информационных войнах.

Межъязыковая псевдоэквивалентность в нашей работе понимается как гипоним межъязыковой интерференции, находящей свое практическое отражение в фонетическом и/или графическом сходстве лексических единиц языковой пары, имеющих разные семантические, грамматические, функциональные и стилистические значения при необязательной этимологической общности, вызывающие ложные аналогии при переводе и/или неточное понимание иноязычной картины мира. Межъязыковые псевдоэквиваленты (далее ПЭ) представляют собой обширный пласт лексики, поскольку по объему семантического значения могут быть не только абсолютными (несовпадающими ни в одном из своих значений), но и частичными (совпадающими лишь в оном или нескольких значениях, а в остальных отличные) и контекстуальными (реализующими разные значения лишь в определенных узких или широких контекстах). Например, абсолютные ПЭ: рус. *аккуратный* (соблюдающий порядок, чистоту, точность, опрятный; старательно, тщательно выполненный) — англ. *accurate* (точный, правильный, достоверный); рус.

диссертация (научная работа, публично защищаемая для получения ученой степени) — фр. *dissertation* (рассуждение, сочинение); рус. *брошь* (украшение с застежкой для прикалывания к женскому платью на груди или у шеи) — исп. *brocha* (большая кисть живописца, маляра; щетка, щеточка, помазок); частичные ПЭ: рус. *камера* (помещение специального назначения в некоторых учреждениях; закрытое пространство внутри помещения, прибора, машины; сокр. от фотоаппарат, видеокамера) — англ. *camera* (фотоаппарат, видеокамера); рус. *эффективный* (дающий эффект, приводящий к нужным результатам, действенный) — фр. *effectif/ve* (настоящий, положительный, фактический, реальный, действующий, боеспособный); рус. *карантин* (временная изоляция больных для предупреждения распространения эпидемических заболеваний; санитарный пункт для осмотра прибывающих судов, лиц, товаров) — исп. *cuarentena* (четыре десятка, сорок дней/месяцев/лет, сорокалетие, карантин); и контекстуальные ПЭ: рус. *карты* (картонные листки, составляющие игральную колоду; чертежи земной поверхности; разграфленные листы бумаги для заполнения какими-то сведениями) — англ. *cards* (игральные карты, открытки, карточки) в контексте «*be on the cards*» (*быть предназначенным судьбой, очень вероятно*); рус. *алиби* (обстоятельство, факт пребывания обвиняемого в другом месте как доказательство его непричастности) — фр. *alibi* (алиби, маневр, уловка) в контексте «*les alibis bidons*» (надуманные отговорки); рус. *ситуация* (совокупность условий и обстоятельств, создающих ту или иную обстановку, положение, отношения) — исп. *situación* (ситуация, положение, обстановка, картина) в контексте «*balance de situación*» (балансовый отчет).

Гораздо реже встречаются случаи, когда ПЭ в английском, французском и испанском языках в сопоставлении с русским языком совпадают (даже с учетом разного количества значений у лексем разных языков, входящих в псевдоэквивалентную пару). Например: рус. *афера* (сомнительное, рискованное и недобросовестное дело с целью личной наживы) — англ. *affair* (роман, любовная интрига, связь, дело, ситуация) — фр. *affaire* (дело, предприятие, тяжба, скандал, операция, бизнес, вещь) — исп. *affaire* (незаконное или скандальное дело, случай, бизнес, любовная интрижка); рус. *батон* (белый хлеб продолговатой формы, кондитерское изделие в виде палочки) — англ. *baton* (дирижерская палочка, дубинка, эстафетная палочка) — фр. *bâton* (палка, палочка, посох, жезл, черточка в букве) — исп. *batón* (широкий и длинный халат до ступней).

В основе феномена межъязыковой псевдоэквивалентности лежат противоположные явления: с одной стороны, стремление к объединению и уподоблению ввиду активной интернационализации лексики в условиях глобализации (отсюда внешняя схожесть слов двух языков), а с другой — стремление к выделению национально-культурных особенностей и уникальности своей языковой картины мира, что приводит к переосмыслению интернационализмов, появлению новых значений и национальных употреблений (отсюда различия в значениях внешне схожих слов двух языков). Различия в языковых картинах мира носителей разных языков приводят к разному восприятию полноты семантических значений лексем, стилистических употреблений и служат одним из источников возникновения ложных аналогий и ошибок при переводе, в том числе возникновения псевдоэквивалентности.

Явление межъязыковой псевдоэквивалентности может возникнуть лишь синхронически на стыке двух языков в ходе переводческой деятельности, без наличия пары языков нет оснований говорить ни об эквивалентности, ни о ее обратной стороне — псевдоэквивалентности. Однако общеизвестно, что при переводе происходит не только взаимодействие языков, но и культур. Важность национально-культурной специфики слов отмечается в работах многих авторов [Гридина, Коновалова 2020; Bekeeva, Nothina, Bykova 2019; Едличко 2016 и др.], среди которых и В. В. Дубичинский и Т. Ройтер, по мнению которых, «без знания культурной среды никакая коммуникация через переводчика практически невозможна» [Дубичинский, Ройтер 2015: 50]. Переводчику необходимо обладать не только глубоким знанием иностранного языка, но и национальной культуры, иными словами, быть и лингвострановедом, а также держать в голове концепты как минимум двух языков. С этим мнением тесно связаны вопросы лингвокультурной адаптации при переводе в целом и в частности при переводе политических медиатекстов.

3. МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материала исследования функционирования межъязыковых ПЭ в политическом медиатексте как инструмента публичной дипломатии мы рассмотрели интервью В. В. Путина журналисту телекомпа-

нии NBC К. Симмонсу от 11.06.2021[1] в сопоставлении с его официальными переводами на английский[2], испанский[3] и французский[4] языки. Отобранные ранее методом сплошной выборки из толковых и двуязычных словарей слова, относящиеся к категории псевдоэквивалентности русского и английского (1567 пар слов), русского и французского (1721 пара слов), русского и испанского языков (1436 пар слов), были найдены в параллельных медиатекстах и проанализированы. В качестве основных применялись сравнительно-сопоставительный метод, метод количественного подсчета, сплошной выборки, контекстологический анализ, лексикографический анализ.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При детальном сопоставлении текста оригинала и перевода можно прийти к заключению, что переводы на французский и испанский языки выполнены не с первичного текста оригинала (русского), а зачастую с вторичного (английского) текста, что находит отражение в многочисленных кальках с английского языка в испанском и французском вариантах, англицизмах, в употреблении не частотных для французского и испанского языков выражений и приводит к смысловым искажениям: *хулиган — troublemaker (англ.) — fauteur de troubles (франц.) — alborotador (исп.); «если бы, что бы, кабы» — “could be” and “would be” — « pourrait être » et de « serait » — “podría ser” y “sería”; перекладывать на нас ответственность — making us responsible — nous rendre responsables — hacernos responsables; «принцип наибольшего благоприятствования» — the most favored nation treatment — le traitement de la nation la plus favorisée — el trato de nación más favorecida* и др.

Неправильный перевод на английский язык слов российского Президента влечет автоматически и ошибки во французском и испанском вариантах: ***те, кто отвечает за кибербезопасность*** *— cybersecurity* ***researchers*** *(=исследователи, научные сотрудники) — des* ***chercheurs*** *(=исследователи, научные работники, ученые) en cybersécurité — los* ***investigadores*** *(=следователи, исследователи, научные работники, искатели) de ciberseguridad).*

Опосредованный перевод через английский язык приводит к высокому содержанию интернационализмов во французской и испанской переводных версиях интервью, отсутствующих в русском оригинале и речи В. В. Путина, что вызывает псевдоэквивалентность при сопоставлении текста оригинала на русском языке и текстов перевода на французском и испанском языках, а в ряде случаев и при сопоставлении английской, французской и испанской версий между собой, например: *фейковый вброс — some fake information — de fausses informations — información falsa*. В данном примере наблюдается в целом достижение денотативной (семантической) эквивалентности, но при этом налицо нарушение прагматической эквивалентности, поскольку лексема «*вброс*» в данном контексте реализует значение «заведомо ложной и провокационной информации, распространяемой с целью привлечь внимание людей, ввести их в заблуждение и вызвать общественный резонанс», относится к сленгу, эмоционально окрашена с явной отрицательной коннотацией, в то время как английская, французская и испанская лексемы *information, informations* и *información* соответственно являются нейтральными и нормативными со значением «*факты, подробности, новости о ситуации, человеке, событии*» и т. п. в английском языке, «*сведения*» во французском языке с учетом грамматической формы множественного числа, «*информирование, справочное бюро, сообщение, данные, ознакомление*» и др. в испанском языке. Таким образом, наблюдаем относительную смысловую (экспрессивную) потерю при переводе.

[1] Интервью американской телекомпании NBC. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/65861 (дата обращения 23.12.2023).

[2] Полная версия интервью В. В. Путина Киру Симонсу на английском языке. Full transcript of exclusive Putin interview with NBC News' Keir Simmons. Retrieved from: https://www.nbcnews.com/news/world/transcript-nbc-news-exclusive-interview-russia-s-vladimir-putin-n1270649 (accessed 23.12.2023).

[3] Полная версия интервью В. В. Путина Киру Симонсу на испанском языке. Transcripción de la entrevista exclusiva de NBC News con el presidente de Rusia, Vladimir Putin Retrieved from: https://www.anoncandanga.com/es/transcripcion-entrevista-exclusiva-nbc-news-presidente-rusia-vladimir-putin/ (accessed: 23.12 2023).

[4] Полная версия интервью В. В. Путина Киру Симонсу на французском языке. L’interview de Vladimir Poutine et correspondant de NBC Keir Simmons. Retrieved from: https://sansapriori.net/2021/06/15/4396-vladimir-poutine-a-repondu-aux-questions-du-correspondant-de-nbc-keir-simmons-linterview-a-ete-enregistree-le-11-juin-au-kremlin/ (accessed 23.12 2023).

Таблица 1

Пример перевода фрагмента речи В. В. Путина на английский, французский и испанский языки в сопоставительном аспекте

Оригинал на рус. яз.	Перевод на англ. яз.	Перевод на фр. яз.	Перевод на исп. яз.
Не знаю, *технологически* готов ли Иран воспринимать даже такое сотрудничество.	And I'm not even sure that Iran is even able to accommodate this kind of technology.	Et je ne suis même pas sûr que l'Iran soit capable d'accueillir ce genre de technologie.	Y ni siquiera estoy seguro de que Irán sea capaz de adaptarse a este tipo de tecnología.

Примером образования псевдоэквивалентной пары между русским оригинальным текстом и переводом на испанский язык при отсутствии псевдоэквивалентности между русским и английским вариантами и частичной псевдоэквивалентностью между русским и французским вариантами является рус. ***истэблишмент*** (власть имущие, правящие круги, политическая элита) — англ. *establishment* (устройство, установление, основание, создание, налаживание, организация, учреждение, влиятельные лица, правящие круги) — фр. *establishment* (установленный порядок, влиятельные круги, государственно-партийный аппарат), а не *établissement* (учреждение, установление, составление, предприятие, возведение, заведение, завод) — исп. ***establecimiento*** (установление, учреждение, заведение, закон, институт, фирма) ввиду вторичного перевода с английской версии. Таким образом мировой общественности, говорящей на испанском языке (475 миллионов носителей и 74 миллиона говорящих неносителей[1]) слова интервью российского Президента были донесены с искажением.

Любопытным примером функционирования слов, относящихся к категории ПЭ, является контекстуальный перевод русской лексемы «*сотрудничество*» как *technology, technologie и tecnología* на английский, французский и испанский языки соответственно. Образования псевдоэквивалентной пары с русским языком не случилось (именно в этом контексте В. В. Путин не использовал лексему «*технология*», а говорил о «*технологической готовности воспринимать сотрудничество*»), но и о гармоничном переводе говорить рано. С одной стороны, переводчики прибегли к лексической трансформации — конкретизации в более широком, чем синтаксический, контексте, хоть и с определенными потерями, а с другой стороны, исказили смысл слов российского Президента, который неоднократно подчеркивал в своих ответах вымышленный и безосновательный характер американского отчета о передаче Россией Ирану спутниковых *технологий*, «способных отслеживать и наносить удары по военным целям». В. В. Путин делал акцент на отсутствии не просто намерения передать подобные *технологии*, а даже на «сотрудничестве» в таком направлении с Ираном, но отметил, что возможно «сотрудничество со многими странами мира в космосе» и что Россия «категорически против милитаризации космоса вообще» (осознанный отход от использования лексемы «*технология*» с более конкретным смыслом и повтор лексемы «сотрудничество» с более абстрактным смыслом в контексте отсутствия). Перевод на английский, французский и испанский языки в смысловом отношении вернул ответ Президента России к заданной американским журналистом ложной ситуации передачи «*технологии*», тем самым стал определенным инструментом воздействия на иноязычную аудиторию (см. таблицу 1).

Более того, при анализе контекста очевидно, что перевод лексемы «*воспринимать*» с нематериальным смыслом (*ощущать, испытывать, трактовать, истолковывать, усваивать*) через более материальные, основанные на конкретных видимых действиях, лексемы *accommodate* (*размещать, снабжать, обеспечить, обслуживать, устанавливать* и др.) в английской версии, *accueillir* (*принимать, встречать, одобрять*) во французской версии и *adaptarse a* (*приспосабливаться к, применять для себя*) в испанской версии интервью подкрепляет необоснованную версию журналиста NBC, игнорируя и донося миру, на наш взгляд, с определенным искажением, слова В. В. Путина.

По данным И. А. Василенко, 85 % мировой информации производят сегодня США, а «большинство западных СМИ представляют образ России отрицательно, при этом отмечает, что чем сильнее становится Россия экономически и политически, тем сильнее информационное давление извне» [Василенко 2008: 13]. Предыдущий рассмотренный контекст может послужить примером

[1] Данные за 2022 год справочника по языкам Ethnologue международной организации SIL International. URL: https://www.ethnologue.com/insights/most-spoken-language/ (дата обращения: 1.11.2023).

публичной дипломатии и подобного давления, исходящего не напрямую от говорящего, а через более свободный перевод его речи.

Наличие интернационализмов в рассмотренных примерах и искажения смысла не приводят к образованию псевдоэквивалентных пар с русским языком, ввиду отсутствия однокоренных или близких по звучанию слов в тексте оригинала, но приводят к появлению частичной и контекстуальной псевдоэквивалентности между английским, французским и испанским языками.

«При переводе помимо учета денотативного и коннотативного компонентов содержания следует учитывать также прагматический компонент, который представляет собой отношение между языковым выражением и участниками коммуникации — отправителем и получателем информации» [Есакова, Кольцова 2017: 55]. Чаще всего в работе профессиональных переводчиков проявляется именно прагматическая псевдоэквивалентность, а не семантическая.

Стремление избежать тавтологии и использование разнокоренных лексем в ряде случаев спасает от образования частичных и/или контекстуальных псевдоэквивалентных пар, а в некоторых приводит к их образованию: словосочетание «*внутриполитические процессы»* встретилось в интервью дважды и было переведено на английский язык как *domestic internal affairs* в первом случае и как *political processes* во втором, на французский язык — *les affaires intérieures* (данным эквивалентом в другой фразе еще было переведено русское словосочетание «*внутренние дела*», что представляется точнее в силу определенной статичности значения лексем *дела* и *affaires* в сравнение с динамичностью смысла лексемы *процессы*) и синонимично по аналогии с английским как *les processus politiques,* на испанский язык соответственно *los asuntos internos* и *los procesos políticos.* Синонимичное выражение «*внутриполитические расклады*» перевели как *domesctic political situation, la situation politique intérieure, la situación política interna.*

При анализе выбранного политического медиатекста, внимание привлекает осознанное избегание Президентом России в своей речи иностранных заимствований, где это возможно, и выбор синонимов из уже привычных для русского языка лексем (*незаурядный человек — a bright person — une personne brillante — una persona brillante*), а также использование многочисленных национально-культурных выражений *(«потом на крашеные яйца, скажут, атака совершена» — next time they will say there was an attack against some Easter eggs — la prochaine fois, ils diront qu'il y a eu une attaque contre des œufs de Pâques — полное отсутствие перевода всего предложения в испанской версии*), пословиц, поговорок *(«нечего на зеркало пенять, если рожа кривая» — don't be mad at the mirror if you are ugly — ne vous fâchez pas contre le miroir si vous êtes moche — no te enojes con el espejo si eres feo)* и аллюзий (*«можете жаловаться в Международную лигу сексуальных реформ»* отсылает к сатирическому роману И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», 1931), просторечий *(«удосужиться» — bother — prendre la peinte — molestarse en*; *«собачиться»* — опущение перевода во всех версиях; *«подтаскивать» — keep bringing — continuer à apporter — seguir llevando*), которые с трудом поддаются переводу, демонстрируя мировой общественности самобытность и богатство русского языка, выполняя функцию интимизации с русскоговорящей аудиторией, а также и с иноязычной аудиторией при правильной передаче, которая потребовала бы от переводчика лингвострановедческих знаний и амплификации и/или экспликации. И. А. Василенко объясняет такую тенденцию ответом мира на глобализацию, в результате чего «мир стал более сознательно и бережно относиться к поддержанию своего культурного разнообразия, к сохранению культурной самобытности» [Василенко 2008: 11].

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенному исследованию, стоит отметить важность изучения переводного медиатекста как отдельного инструмента публичной дипломатии, поскольку продукт переводческой деятельности в условиях мирового кризиса приобретает особую значимость. Переводчикам необходимо осознавать персональную ответственность, учиться сохранять нейтралитет, чему нередко, как отмечают многие исследователи [Valedón 2023; Buden, Nowotny, Simon, Berry, Cronin 2009 и др.], мешает собственная идеология, психологические проявления личности переводчика. Также требуется пересмотр подходов к подготовке профессиональных переводчиков (с большим вниманием к прагматическим аспектам перевода, культурологическому компоненту, лингвострановедению, психологической поддержке и др.) и контроль за тем, чтобы политические медиатексты не попадали на перевод к самоучкам. C. Rossi отмечает разрыв между переводческим дискурсом (в том числе теорией перевода и переводческой рефлексией) и практикой перевода. Перевод-

чик политических текстов и поствоенных художественных произведений находится между обязанностью сохранять «преданность» тексту-оригиналу и позиции автора текста и необходимостью осуществления этического выбора переводческих решений для уважения опыта других многочисленных участников данного конфликтного события, которые будут читать его перевод [Rossi 2021: 385].

С другой стороны, необходимо повышать осведомленность реципиента перевода (населения) о существовании того факта, что в условиях реализации активной публичной и медиадипломатии сам медиатекст всегда обладает манипулятивной составляющей и является инструментом публичной дипломатии, а переводной медиатекст, особенно политический, также обладает этими качествами, но еще и зачастую может быть пропущен через существенный фильтр самого издания, публикующего переведенное событие, содержать переводческие искажения для изменения вектора восприятия реципиента и создания отличного от текста оригинала прагматического эффекта. Яркость идиостиля В. В. Путина зачастую нейтрализуется при переводе, а отсутствие переводческих лингвострановедческих комментариев приводит к непониманию замысла говорящего. A. Valedón отмечает, что перевод играет ключевую роль не только в передаче кризисов, но и в их создании. За последние десятилетия, по мнению автора, взаимодействие между новостями в СМИ и их переводами привлекает все больше внимания, появляются работы, изучающие роль перевода в передаче конфликтов и кризисов (S.-A. Harding, A. Riggs, A. Spiessens, 2012) реконструкцию в англоязычных медиатекстах репортажей с трех русскоязычных вебсайтов по террористическому акту в Беслане в 2004 г. [Harding 2012], стилистический выбор переводческих решений при передаче информации о террористическом акте в Ницце в 2016 г. и их влияние на восприятие и интерпретацию данного события читателем (A. Riggs, 2021), передачу Крымского кризиса на переводном новостном сайте InoSMI [Spiessens, Van Poucke 2016] и др. [Valedón 2023: 389–390].

Явление межъязыковой псевдоэквивалентности в политическом медиатексте требует научного переосмысления относительно проведенных ранее исследований на примере преимущественно художественных текстов, разработки серии тренировочных упражнений в рамках подготовки будущих переводчиков на снижение ложных аналогий в коннотациях растущего числа интернациональной лексики и неологизмов, появляющихся в медиатектах, пересмотра подходов к составлению толковых и переводных словарей (в том числе словарей псевдоэквивалентов) с включением в них психолингвистических значений, хранящихся в сознании носителей языка, на основании данных ассоциативных словарей, корпусной лингвистики и анализа современных медиатекстов. Дискурсивный характер значений многих слов, относящихся к категории псевдоэквивалентов, используемых в политических медиатекстах, не отражается в словарях, а значит и не передается при переводе, что ставит вопрос о необходимости разработки словарей политических терминов в СМИ в целом (см. [Кондратьева 2016]) и словарей межъязыковых псевдоэквивалентов дискурсивного типа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бжезинский, З. Великая шахматная доска / Збигнев Бжезинский. — Москва : Междунар. отношения, 2009. — 278 с. — ISBN 978-5-7133-1341-8.

2. Бурдье, П. Практический смысл : / Пьер Бурдье ; общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. — Санкт-Петербург : Алетейя ; Москва : Ин-т эксперимент. социологии, 2001. — 562 с. — ISBN 5-89329-351-7.

3. Василенко, И. А. Образ России в виртуальном диалоге культур / И. А. Василенко // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. — 2008. — № 3. — С. 3–20. — EDN JUVKEP.

4. Гридина, Т. А. Исторический комментарий фактов русского языка : учеб. пособие / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2020. — 154 с. — ISBN 978-5-7186-1666-8. — EDN KMVWPW.

5. Десюкевич, О. И. Концептуальная публицистика Светланы Алексиевич: кристаллизация жанра / О. И. Десюкевич // Медиалингвистика. — 2017. — № 2(17). — С. 31–40. — EDN YSPNXV.

6. Дубичинский, В. В. Теория и лексикографическое описание лексических параллелей / В. В. Дубичинский, Т. Ройтер. — Харьков : Підручник НТУ «ХПІ», 2015. — 148 с.

7. Едличко, А. И. Интернациональная политическая лексика: генезис, развитие, современное состояние (лексикографический аспект) / А. И. Едличко. — Москва : Изд-во Московского ун-та, 2016. — 191 с. — ISBN 978-5-19-011093-7.

8. Есакова, М. Н. Трудности при переводе оценочных суффиксов (на материале произведений М. А. Булгакова) / М. Н. Есакова, Ю. Н. Кольцова // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. — 2017. — № 1. — С. 52–63. — EDN YQPSZB.

9. Ковалев, А. А. СМИ и политическая коммуникация: новые возможности и ограничения / А. А. Ковалев // Вестник Поволжского института управления. — 2022. — Т. 22, № 3. — С. 69–83. — DOI 10.22394/1682-2358-2022-3-69-83. — EDN LAEFPC.

10. Кондратьева, О. Н. «Словарь политических терминов в СМИ» как новый лексикографический продукт / О. Н. Кондратьева // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2016. — № 6(44). — С. 38–49. — DOI 10.17223/19986645/44/3. — EDN XDYDYH.

11. Маковский, В. А. «Пятая власть» как основная угроза функционирования государственной информационной политики в России / В. А. Маковский // Информационные войны. — 2019. — № 4(52). — С. 20–23. — EDN OZDKAU.

12. Назметдинова, И. С. «Новые СМИ» в современном медиадискурсе / И. С. Назметдинова, С. Э. Лебедева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета

им. И.Я. Яковлева. — 2018. — № 4(100). — С. 77–87. — EDN YTSORF.

13. Назаренко, А. Н. Визуальные образы в культурном пространстве современных медиа : дис. … канд. культурологии / Назаренко Алексей Николаевич. — Санкт-Петербург, 2021. — 195 с. — EDN BONPDW.

14. Панов, А. Н. Публичная дипломатия зарубежных стран : учебное пособие / Е. М. Астахов, А. А. Великая, С. С. Веселовский [и др.] ; под ред. А. Н. Панова и О. В. Лебедевой. — Москва : Аспект Пресс, 2018. — 208 с. — ISBN 978-5-7567-0934-6. — EDN VKNATQ.

15. Плотникова, М. В. Лингвистическая безопасность политического дискурса в аспекте экологии перевода (на материале интервью В. В. Путина и их переводов на английский язык) / М. В. Плотникова, А. И. Томилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15, № 12. — С. 4035–4040. — DOI 10.30853/phil20220691. — EDN IPQTZJ.

16. Репина, Е. А. Политический текст: психолингвистический анализ воздействия на электорат / Е. А. Репина. — Москва : ИНФРА-М, 2012. — 91 с. — (Научная мысль). — ISBN 978-5-16-005215-1. — EDN UJBUGD.

17. Солганик, Г. Я. Язык СМИ и политика / Г. Я. Солганик, Е. Л. Вартанова, Н. В. Смирнова [и др.]. — Москва : Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2012. — 952 с. — ISBN 978-5-211-06291-7. — EDN WMGIZL.

18. Старикова, С. И. Культурный капитал и трансляция коллективных представлений / С. И. Старикова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. — 2019. — Т. 44, № 2. — С. 344–350. — DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-2-344-350. — EDN NPDDGE.

19. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур : вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации / С. Г. Тер-Минасова. — Москва : Слово, 2008. — ISBN 978-5-387-00076-8. — EDN QTWPVV.

20. Фалин, В. М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания / В. М. Фалин. — Москва : Центрполиграф, 2016. — ISBN 978-5-227-06561-2.

21. Armistead, L. Information Operations: Warfare and the Hard Reality of Soft Power / L. Armistead. — [S.l]. : Brassey's, 2004. — 277 p. — ISBN 978-1574886986. — URL: https://web.stanford.edu/class/msande91si/www-spr04/readings/week5/io-textbook.pdf (date of access: 23.12.2023).

22. Bekeeva, A. R. National and cultural features of the toponymic system in new Zealand English / A. R. Bekeeva, E. A. Notina, I. A. Bykova // INTED2019 13th International Technology, Education and Development Conference : Conference proceedings. — Valencia : IATED Academy, 2019. — P. 8476–8481. — DOI 10.21125/inted.2019.2114. — EDN QBMHIB.

23. Buden, B. Cultural translation: An introduction to the problem, and Responses / B. Buden, S. Nowotny, S. Simon, A. Bery, M. Cronin // Translation Studies. — 2009. — Vol. 2, Iss. 2. — P. 196–219. — DOI 10.1080/14781700902937730.

24. Declercq, C. Intercultural crisis communication: Translation, interpreting and languages in local crises / C. Declercq, J. Munday, F. M. Federici. — [S. l.] : Bloomsbury, 2019. — ISBN 978-1350097056.

25. Gilboa, E. Mass communication and diplomacy: A theoretical framework / E. Gilboa // Communication Theory. — 2000. — № 10. — P. 275–309. — DOI 10.1111/j.1468-2885.2000.tb00193.x.

26. Gilboa, E. Searching for a Theory of Public Diplomacy / E. Gilboa // Annals of the American Academy of Political and Social Science. — 2008. — Vol. 616, No. 1. — P. 55–77. — DOI 10.1177/0002716207312142. — EDN JLETPL.

27. Gilboa, E. The CNN effect: The search for a communication theory of international relations / E. Gilboa // Political Communication. — 2005. — № 22:1. — P. 27–44. — DOI https://doi.org/10.1080/10584600590908429.

28. Harding, S. A. Translating eyewitness accounts Personal narratives from Beslan, September 2004 / S. A. Harding // Journal of Language and Politics. — 2012. — Vol. 11, Iss. 2. — P. 229–249. — DOI doi.org/10.1075/jlp.11.2.04har.

29. Jiuding, Q. Research Review on Ideological factors in Public Diplomacy Discourse Translation / Q. Jiuding, Z. Leilei // International Journal of Translation and Interpretation Studies. — 2023. — Vol. 3, No. 1. — P. 08–16. — DOI 10.32996/ijtis.2023.3.1.2. — EDN BFYFXG.

30. Jiuding, Q. Bilingual translations of intensifiers in Dong-A Ilbo's news about China: A corpus-based discourse analysis approach / Q. Jiuding // PLoS ONE. — 2024. — Vol. 19, No. 2. — P. e0292603. — DOI 10.1371/journal.pone.0292603. — EDN QLTSYC.

31. Mandal, U. C. Dictionary of public administration / U. C. Mandal. — New Dehli : Sarup & Sons, 2007. — 568 p. — ISBN 81-7625-784-2.

32. Melissen, J. The new public diplomacy. Soft power in international relations / J. Melissen. — [S.l.] : Palgrave Macmillan UK, 2005. — 221 p. — ISBN 9780230535541. — URL: http://culturaldiplomacy.org/academy/pdf/research/books/soft_power/The_New_Public_Diplomacy.pdf (date of access: 23.12.2023).

33. Nye, J. Soft power. The means to success in world politics / J. Nye. — New York : Public affairs group, 2004. — 191 p. — ISBN 978-1586482251.

34. Pedrazzi, F (Ed.). Standardisierte Inhaltsanalyse in der Kommunikationswissenschaft — Standardized Content Analysis in Communication / Eds. F. Pedrazzi, S. H. Kessler. — 2023. — URL: https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-658-36179-2 (date of access: 23.12.2023).

35. Poudel Ashok. Role Of Media In Foreign Policy : A Case Study Of Nepal / Ashok Poudel. — URL: https://hdl.handle.net/20.500.14540/11098 (date of access: 23.12.2023).

36. Rossi, C. Writers and translators working together: the ethical dimension of the translation of post conflict literature / C. Rossi // Translator. — 2021. — Vol. 27, No. 4. — P. 384–399. — DOI 10.1080/13556509.2021.1992895. — EDN NRTJCD.

37. Spiessens, A. Translating news discourse on the Crimean crisis: patterns of reframing on the Russian websiteInoSMI / A. Spiessens, P. Van Poucke // The Translator. — 2016. — № 22. — P. 319–339. — DOI 10.1080/13556509.2016.1180570.

38. Valdeón, R. A. Translation in times of crises and conflicts / R. A. Valdeón // Perspectives. — 2023. — Vol. 31, No. 3. — P. 383–394. — DOI 10.1080/0907676x.2023.2196166. — EDN SLPOZO.

REFERENCES

1. Bzhezinskiy, Z. (2009). Velikaya shakhmatnaya doska = The Grand Chessboard. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 278 p. ISBN 978-5-7133-1341-8.

2. Burd′e, P. (2001). Prakticheskiy smysl = The Logic of Practice. St. Petersburg: Aleteyya, Moscow: In-t ehksperiment. sotsiologii, 562 p. ISBN 5-89329-351-7.

3. Vasilenko, I. A. (2008). Obraz Rossii v virtual'nom dialoge kul'tur = The image of Russia in the virtual dialogue of cultures. *Moscow University Bulletin*, *3*, 3–20. EDN JUVKEP.

4. Gridina, T. A., Konovalova, N. I. Istoricheskiy kommentariy faktov russkogo yazyka = Historical Commentary on Facts of the Russian Language. Textbook. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 154 p. ISBN 978-5-7186-1666-8. EDN KMVWPW.

5. Desyukevich, O. I. (2017). Kontseptual'naya publitsistika Svetlany Aleksiyevich: kristallizatsiya zhanra = Conceptual journalism by Svetlana Alexievich: crystallization of the genre. *Medialingvistika*, *2*, 31–40. EDN YSPNXV.

6. Dubichinskii, V. V., Roiter T. (2015). Teoriya i Leksikograficheskoe opisanie leksicheskikh parallelei: monografiya = Theory and Lexicographical description of lexical parallels: monography. Khar'kov: Pidruchnik NTU "KHPI".

7. Edlichko, A. I. (2016). Internatsional′naya politicheskaya leksika: genezis, razvitie, sovremennoe sostoyanie (leksikograficheskiy aspekt) = International Political Vocabulary: Genesis, Development, and Current State (Lexicographical Aspect). Moscow: Moscow Univ. Pr., 191 p. ISBN 978-5-19-011093-7.

8. Yesakova, M. N., Koltsova, Yu. N. (2017). Trudnosti pri perevode ocenochnyh suffiksov = Evaluation suffixes: translation difficulties. *Moscow University Translation Studies Bulletin*, *1*, 52–63. EDN YQPSZB.

9. Kovalev, A. A. (2022). SMI i politicheskaya kommunikatsiya: novye vozmozhnosti i ogranicheniya = Mass Media and Political Communication: New Opportunities and Limitations. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, *22*(3), 69–83. DOI 10.22394/1682-2358-2022-3-69-83. EDN LAEFPC.

10. Kondrat'eva, O. N. (2016). «Slovar' politicheskih terminov v SMI» kak novyj leksikograficheskij produkt = The dictionary of

political terms as a new lexicographical product. *Tomsk State University Journal of Philology*, *6*(44), 38–49. EDN XDYDYH.

11. Makovskiy, V. A. (2019). «Pyataya vlast′» kak osnovnaya ugroza funktsionirovaniya gosudarstvennoy informatsionnoy politiki v Rossii = “The Fifth Estate” as a Primary Threat to the Functioning of State Information Policy in Russia. *Information Wars*, *4*(52), 20–23. EDN OZDKAU.

12. Nazmetdinova, I. S., Lebedeva, S. E. (2018). “Novye SMI” v sovremennom mediadiskurse [“New media” in modern media discourse]. EDN YTSORF.

13. Nazarenko, A. N. (2021). Vizual′nye obrazy v kul′turnom prostranstve sovremennykh media = Visual Images in the Cultural Space of Modern Media. Dissertation for the degree of Candidate of Culturology. St. Petersburg, 195 p. EDN BONPDW.

14. Panov, A. N., Lebedeva, O. V. (Eds.) (2018). Publichnaja diplomatija zarubezhnyh stran = Public diplomacy of foreign countries. Moscow: Aspect press, 2018. ISBN 978-5-7567-0934-6. EDN VKNATQ.

15. Plotnikova, M. V., Tomilova, A. I. (2022). Lingvisticheskaja bezopasnost' politicheskogo diskursa v aspekte jekologii perevoda (na materiale interv'ju V.V. Putina) = Linguistic Security of Political Discourse in Terms of Translation Ecology (by the Material of Vladimir Putin’s Interviews and Their Translations into English). *Philology. Theory & Practice*, *15*(12[38]), 4035–4040. DOI 10.30853/phil20220691. EDN IPQTZJ.

16. Repina, E. A. (2012). Politicheskiy tekst: psikholingvisticheskiy analiz vozdeystviya na elektorat = Political text: psycholinguistic analysis of the impact on the electorate. Moscow: INFRAM. ISBN 978-5-16-005215-1. EDN UJBUGD.

17. Solganik, G. Ia. (2012). Yazyk SMI i politika = Language of Media and Politics. Moscow: MSU, 952 p. ISBN 978-5-211-06291-7. EDN WMGIZL.

18. Starikova, S. I. (2019). Kul′turnyy kapital i translyatsiya kollektivnykh predstavleniy = Cultural Capital and the Transmission of Collective Representations. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*, *44*(2), 344–350. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-2-344-350. — EDN NPDDGE.

19. Ter-Minasova, G. (2008). Voyna i mir yazykov i kul'tur = War and Peace of Languages and Cultures. Moscow: Slovo. ISBN 978-5-387-00076-8. EDN QTWPVV.

20. Falin, V. M. (2016). Bez skidok na obstoyatel'stva. Politicheskiye vospominaniya = No discounts for circumstances. Political memories. Moscow: Centrpoligraf. ISBN 978-5-227-06561-2.

21. Armistead, L. (2004). Armistead. Information Operations: Warfare and the Hard Reality of Soft Power. Brassey's. Available at Dec. 23, 2023 from https://web.stanford.edu/class/msande91si/www-spr04/readings/week5/io-textbook.pdf.

22. Bekeeva, A. R., Notina, E. A., Bykova, I. A. (2019). National and cultural features of the toponymic system in new Zealand English. *INTED2019 13th International Technology, Education and Development Conference. Conference proceedings*, 8476–8481. Valencia: IATED Academy. DOI 10.21125/inted.2019.2114. EDN QBMHIB.

23. Buden, B., Nowotny, S., Simon, S., Bery, A., Cronin, M. (2009). Cultural translation: An introduction to the problem, and Responses. *Translation Studies*, *2*(2), 196–219. DOI 10.1080/14781700902937730.

24. Declercq, C., Munday, J., Federici, F. M. (2019). Intercultural crisis communication: Translation, interpreting and languages in local crises. Bloomsbury. ISBN 978-1350097056.

25. Gilboa, E. (2000). Mass communication and diplomacy: A theoretical framework. *Communication Theory*, *10*, 275–309.

26. Gilboa, E. (2005). The CNN effect: The search for a communication theory of international relations. *Political Communication*, *22*(1), 27–44. DOI 10.1080/10584600590908429.

27. Gilboa, E. (2008). Searching for a theory of public diplomacy. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, *616*, 55–77. DOI 10.1177/0002716207312142.

28. Harding, S. A. (2012). Translating eyewitness accounts Personal narratives from Beslan, September 2004. *Journal of Language and Politics*, *11*(2), 229–249. DOI 10.1075/jlp.11.2.04har

29. Jiudin, Q., Leilei, Z. (2023). Research Review on Ideological factors in Public Diplomacy Discourse Translation. *International Journal of Translation and Interpretation Studies*, *3*(1), 8–16. DOI 10.32996/ijtis.2023.3.1.2.

30. Jiudin, Q. (2024). Bilingual translations of intensifiers in Dong-A Ilbo’s news about China: A corpus-based discourse analysis approach. *PLoS ONE*, *19*(2), 1–16. DOI https://doi.org/10.1371/journal.pone.0292603.

31. Mandal, U. C. (2007). Dictionary of public administration. New Dehli : Sarup & Sons, 568 p. ISBN 81-7625-784-2.

32. Melissen, J. (2005). The new public diplomacy. Soft power in international relations. 2005. Available at Dec. 23, 2023 from http://culturaldiplomacy.org/academy/pdf/research/books/soft_power/The_New_Public_Diplomacy.pdf.

33. Nye, J. (2005). Soft power. The means to success in world politics. New York: Public affairs group.

34. Pedrazzi, F., Kessler, S. H. (Eds.) (2023). Standardisierte Inhaltsanalyse in der Kommunikationswissenschaft — Standardized Content Analysis in Communication. Available at Dec. 12, 2023 from https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-658-36179-2.

35. Poudel, A. (2019). Role Of Media In Foreign Policy : A Case Study Of Nepal. Available at Dec. 23, 2023 from https://hdl.handle.net/20.500.14540/11098.

36. Rossi, C. (2021). Writers and translators working together: the ethical dimension of the translation of post conflict literature. *The Translator*, *27*(4), 384–399. DOI https://doi.org/10.1080/13556509.2021.1992895.

37. Spiessens, Anneleen & Van Poucke, Piet. (2016). Translating news discourse on the Crimean crisis: patterns of reframing on the Russian websiteInoSMI. *The Translator*, *22*, 319–339. DOI 10.1080/13556509.2016.1180570.

38. Valedón, R. A. (2023). Translation in times of crises and conflicts. *Perspectives*, *31*(3), 383–394. DOI https://doi.org/10.1080/0907676X.2023.2196166.